

Продолжение. Начало в №118(131)

«...Перед тем как ехать за матерью, я решил заручиться соответствующим документом И.И. Долгих. Еду, опять с сестренками, в Новосибирск, в управление ОГПУ....Долгих выслушал меня внимательно, велел написать заявление на его имя. Наложил резолюцию: "Отправить Путилову Е.М. по месту работы ее сына. Долгих". На пристань я от радости бежал бегом.

...Мать и сестры были на грани истощения. Младшая сестра Зинаида едва передвигала ноги.... Через три дня я с матерью и двумя сестрами (две остались в Каргаске) отправился вниз по реке Чижанке, а затем по Васюгану к Каргаску. Несколько раз на пути к нам подплывали стрелки для проверки документов.

От устья Чижанки до Каргаска плыли ночью. Штормило, шел дождь, темнота, лодку заливало водой, ко всему этому лодка села на мель, и нам в полночь пришлось по пояс в воде перебраться на берег. На рассвете мокрые, голодные, озябшие стали продолжать свой путь.

На другой день я, мать и теперь уже четверо сестер поплыли на пароходе вверх по Оби до Колпашева. В Колпашеве сели на катер и по реке Чае добрались до села Подгорного. Продукты питания истощились, да и денег оставалось маловато.

Но нам повезло. В селе Подгорном находилась перевалочная продовольственная база Галкинской участковой комендатуры. Начальство, узнав мое положение, снабдило нас в достаточном количестве продовольствием, дало муку, и мы отправились вверх по Галке до поселка Сухой. На этом наше путешествие закончилось.

Мать зачислили спецпереселенкой, а я числился вольнонаемным. Начиная с 1935 года спецпереселенцы стали получать гражданские права, создавались районные учреждения, организации (райком, райисполком, роно, райпотребсоюз, райзо и т.д.).

Но неприятности наши на этом не закончились. По инициативе председателя райисполкома Михайлова меня исключают из комсомола на том основании, что я "сын кулака". По моей апелляции меня в комсомоле восстанавливают, но выносят строгий выговор, по настоянию опять же Михайлова, на том основании, что я раньше не взял мать на свое иждивение. Вот такие бываю в жизни парадоксы.

Началась война, меня мобилизовали в армию. Зачислили в школу связистов, а когда узнали, что я "сын кулака", направили в стройбат. Работал на строительстве Новосибирского металлургического завода.

Осенью 1941 года приехали комиссия Центрального района Новосибирска, меня призвали в армию.

Летом 1942 года участвовал в боях против немецких оккупантов в Сталинграде, где был ранен. Пять месяцев в госпитале, затем участвовал в боях на Курско-Орловской дуге. В 1943 году вступил в партию. Войну закончил в Австрии, был награжден орденами и медалями.

Благополучно вернулся в Бакчар (Томская область – А.К.). Так я стал вроде бы гражданином Советского Союза. Но не тут то было! В 1946 году по инициативе секретаря райкома партии В.Ф. Яновича вызывают на бюро райкома и дают мне строгий выговор с занесением в учетную карточку за то, что я скрыл свое социальное положение как "сын кулака".

Во время приема в партию политотдел не обратил на это внимание, в учетной карточке в графе "социальное положение" мне записали "из крестьян".

«СЫН КУЛАКА» – ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕТЧИК, или От ударов судьбы не убежишь

Получено письмо от внучатого племянника генерала Путилова

Перевели меня в Томский район, где работал директором Протопоповской семилетней школы, а затем Кузюлевской.

Везде работу мою оценивали хорошо, пытались повысить. Но, как только посмотрят в учетную карточку, где записано "сын кулака", так сразу отбой.

Переехал я в Алтайский край (переводом), но и здесь такая же картина. За мое повышение были настоящие партийные, советские руководители, против – бюрократы, карьеристы. О своей работе мне судить неудобно, но десять созывов я избирался депутатом в местные Советы.

Сорок три года, до самой пенсии, ярлык "сын кулака" мешал мне жить. Но мир не без добрых людей, они в трудную минуту протягивали руку помощи.

Мать и брат умерли, сестры получили образование, работали в Томске, сейчас трое находятся на пенсии, одна умерла...."

Согласитесь, непростая судьба у Петра Васильевича Путилова. Судьба, похожая на судьбы многих людей, живших в то время в нашей стране. Но, несмотря ни на что, этот человек не озлобился, не потерял веру в людей, и, даже находясь в довольно почтенном возрасте, пытается что-то узнать о своем знаменитом родственнике – генерале Путилове.

Что касается его воспоминаний о Павле Николаевиче, то они очень скудные. Но нам интересны любые сведения о генерале, тем более от его родственника.

Петр Васильевич пишет, что дедушку – генерала он лично не видел, так как был малолетним. Но он помнит, что в доме находилась фотография генерала под толстым узорчатым стеклом – одна из лучших настенных фотографий, которые у них были.

На фотографии, за круглым столиком, накрытым скатертью, сидели Павел Николаевич со своей супругой. Видимо, они пили чай, так как на столе стояли две фарфоровые чашки, поставленные в блюдца, в чашках находились чайные ложечки.

Генерал сидел в великолепном мундире со всеми регалиями, на плечах красовались эполеты с шитьем, на груди была цепочка и с правой стороны – орден. Взгляд был целеустремленным, лицо правильной формы, седые усы и борода хорошо подстрижены.

Напротив Павла Николаевича сидела его жена – привлекательная, обаятельная, волосы были забраны в "кружок", одета была в белую кофточку.

Родители Петра Васильевича называли генерала "дядя Паша", говорили детям, что он их двоюродный дедушка и что когда он приезжал, всегда привозил подарки.

Далее Петр Васильевич вспоминает, что у них в сарае на полке хранились два кожаных саквояжа на замках. Родители говорили, что они принадлежат дедушке – генералу, и не разрешали их трогать. Но однажды маленький Петя со старшим братом сделали в днище одного из саквояжей надрез и вытащили через этот надрез картину, изображавшую какое-то сражение. Родители узнали об этом и перепрятали саквояжи.

После установления Советской власти, когда казачество объявили вне закона, стали преследовать казаков, фотографии и саквояжи генерала исчезли. Большинство остальных фотографий, бывших в доме, сожгли. Детям родители сказали, чтобы держали язык за зубами.

Петр Васильевич также вспомнил, что когда он работал в Галкинской комендатуре в 1932 году, он встретил там одного спецпереселенца из Алтая по фамилии Синяев. Тот очень лестно отзывался о Павле Николаевиче, рассказывал, что служил под его командованием во время русско-японской войны.

У Петра Васильевича сохранилась только фотография отца, где он был в казачьей форме.

Петр Васильевич обещал связаться с родственниками из Омской области (сам он живет сейчас в Калужской области) и попросил нас прислать копию фотографии генерала Путилова времени русско-японской войны (эта фотография была опубликована вместе с нашей первой статьей о Павле Николаевиче).

Мы собираемся продолжать переписку с Петром Васильевичем. Также хотим узнать адреса его родственников и завязать переписку. Может быть, они что-то вспомнят или у них случайно обнаружатся документы по генералу Путилову.

Мы, используя различные каналы, будем накапливать материал для оформления специального раздела постоянной экспозиции нашего музея, посвященного жизни и боевому пути Павла Николаевича Путилова.

Мы также не оставляем надежды на сооружение на территории музея памятной доски или даже бюста генерала. И, конечно же, на открытие обязательно пригласим его родственников.

Андрей КАУФМАН